

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-270-297>
<https://elibrary.ru/JCFYJS>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2025. Е. Е. Дмитриева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Восток в лирике А. С. Пушкина 1824–1825 гг.: усадебные контексты

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Аннотация: В статье предпринята попытка объяснить, что заставило А. С. Пушкина, приехавшего в 1824 г. в родовую усадьбу Михайловское и попавшего в самую гущу русской жизни, обратить свой взгляд на Восток. И действительно, первым крупным произведением, которое Пушкин написал в самый первый год михайловской ссылки, был его лирический цикл «Подражания Корану», который он посвятил своей соседке по Тригорскому Прасковье Александровне Осиповой (Осиповой-Вульф). Причины данного посвящения традиционно имеют два объяснения: чтение Пушкиным текста Корана в переводе Д. И. Веревкина в библиотеке Тригорского, а также помощь, которая была оказана Осиповой в непростое для Пушкина время ссоры с отцом, согласившимся следить за сыном. В статье высказывается предположение, что данный автобиографический подтекст не только сопровождал работу над циклом, что достаточно очевидно, но и оказался в сокрыт или зашифрован в казалось бы предельно далеких по содержанию стихах, имитировавших священный текст мусульман. Параллельно в статье поднимается вопрос о том, насколько ориентализм, вошедший в моду в литературе и архитектуре с конца XVIII века, сказался также на быте и бытии русской усадьбы, и как своеобразная игра в восток маркировала русскую усадебную жизнь.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, усадьба, Михайловское, Тригорское, П. А. Осипова-Вульф, «Подражания Корану», вопросы музефикации.

Информация об авторе: Екатерина Евгеньевна Дмитриева, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9692-8329>

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 26.06.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 29.07.2025

Дата публикации статьи: 25.09.2025

Для цитирования: Дмитриева Е. Е. Восток в лирике А. С. Пушкина 1824–1825 гг.: усадебные контексты // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 270–297. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-270-297>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 270–297. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 270–297. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Ekaterina E. Dmitrieva

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The East in Pushkin's Lyrics of 1824–1825: Country Estate Contexts

Acknowledgements: This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051-P “Estate and Dacha in Russian Literature of 20th–21st Centuries: The Fate of the National Ideal” (<https://rscf.ru/project/22-18-00051/>).

Abstract: This article attempts to explain why Alexander Pushkin, who arrived at his ancestral estate of Mikhailovskoye in 1824 and found himself in the heart of Russian life, turned his attention to the East. Indeed, the first major work that Pushkin wrote in the very first year of his exile in Mikhailovskoye was his lyrical cycle *Imitations of the Quran*. He dedicated this work to his neighbor in Trigor'skoye, Praskovya Alexandrovna Osipova (Osipova-Vulf). The reasons for this dedication traditionally have two explanations: Pushkin's reading of the Quran text translated by D. I. Verevkin in the Trigor'skoye library, as well as the assistance provided by Osipova during Pushkin's difficult time of conflict with his father, who agreed to monitor his son. The article suggests that this autobiographical subtext not only accompanied the work on the cycle, which is quite obvious, but also was hidden or encoded in seemingly unrelated poems that imitate the sacred text of Muslims. In parallel, the article raises the question of how Orientalism, which became fashionable in literature and architecture in the late 18th century, also affected the everyday life of the Russian country estate, and how a kind of game in the East marked Russian country estate life.

Keywords: A. S. Pushkin, country estate, Mikhailovskoye, Trigor'skoye, P. A. Osipova-Vulf, *Imitations of the Quran*, issues of museumification.

Information about the author: Ekaterina E. Dmitrieva, DSc in Philology, Corresponding Member of the Academy of Sciences, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9692-8329>

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Received: June 26, 2025

Approved after reviewing: July 29, 2025

Published: September 25, 2025

For citation: Dmitrieva, E. E. “The East in Pushkin's Lyrics of 1824–1825: Country Estate Contexts.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 3, 2025, pp. 270–297. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-270-297>

В 60-е годы XIX в. известный художественный и музыкальный критик В. В. Стасов, исповедовавший в то время прославянские взгляды и полагавший категории народности и самобытности неперенными при оценке произведений искусства, опубликовал ряд работ (ныне полузабытых), в которых, ратуя за искусство национальное, пытался вместе с тем доказать преемственность русского искусства от азиатского. Все аспекты русской жизни — таково было убеждение Стасова — находились и находятся под сильным влиянием Востока. Восток проявляется везде: в языке, одежде, обычаях, мебели, орнаменте, мелодиях.

Так, в работе «Владимирский клад», посвященной найденным во Владимире на Клязьме остаткам старинных великокняжеских одежд, он доказывает, что сработаны они были не византийскими (как то трактовали археологи), но местными мастерами, фадлановскими русами, народом финского происхождения, жившим на Волге «близ Болгар» и подвергшимся воздействию тюркских племен [Стасов 1866: 124–133, 142–151], тот же: [Стасов 1894–1906. 1: 101–116]. Пряничные коньки, что продавались в петербургских бакалейных лавках как излюбленное детское лакомство, представляют собой отдаленных потомков ассирийских коней, чьи изображения можно увидеть на барельефах при входе во дворцы и храмы, посвященные Солнцу. В древности эти кони имели сакральное значение, заменив собой настоящие конские головы, которые укреплялись на кровлях жилищ после принесения в жертву богам самих коней [Стасов 1861: 257–271], то же: [Стасов 1894–1906. 2: 105–114]. Рубахи-косоворотки также пришли из Азии от кочевников (славянская рубашка была, как и теперь малороссийская, — с прямым воротом) [Стасов 1894–1906. 2: 571–594]). Характерные фигуры древнерусского вышивного орнамента — двуглавые птицы, фантастические грифы, львы — имели свои прототипы в памятниках Персии периода сасанидского правления, а также искусстве арабском и византийском) [Стасов 1872], то же: [Стасов 1894–1906. 1: 185–192]; см. также:

[Савелли: 187–216]. Наибольшие дебаты и даже ожесточенную критику вызвала работа Стасова «Происхождение русских былин». В ней он доказывал, что герои русских былин (Садко, Еруслан Лазаревич, Илья Муромец, вступающий в бой со змеем Горынычем) есть пересаженные на русскую почву герои и сюжеты индийских и персидских сказаний, дошедших в буддийской редакции [Стасов 1868], в дополненном виде: [Стасов 1894–1906. 3: 948–1259].

Теория Стасова, в остальном пользовавшегося непререкаемым авторитетом, но на этот раз воспринятая как интенция еретическая [Olkhovsky 1983], очень быстро оказалась подтверждена исследованиями этнографов и фольклористов. Г. Н. Потанин, известный исследователь Азии, не только привел доказательства, подтверждающие некоторые стасовские идеи, казавшиеся дотоле беспочвенной фантазмагорией, но и пошел дальше Стасова, распространив и доказав влияние Азии на средневековый европейский эпос [Потанин 1896; Потанин 1899]. Восточное происхождение многих средневековых русских повестей, а также артефактов доказывали А. Н. Веселовский, А. Н. Пыпин, Н. П. Кондаков, развивая теорию заимствования (так называемую *миграционную теорию*). Она пришла на смену мифологической школе и объясняла сходство сюжетов у различных народов их миграцией, что стало поворотным пунктом в истории европейской фольклористики в особенности после научного издания Теодором Бенфеем «Панчатантры» [Бенфей: 223–245]. В этом контексте нельзя не упомянуть и работы историка прибалтийско-немецкого происхождения Виктора Гена, космополита по своей жизненной позиции и судьбе (местами его проживания в различные годы были Германия, Италия, Дерпт, Тула, Петербург, Берлин), последователя Якоба Грима, А. Гумбольдта и младогегельянцев, который в своих работах «Картины Италии» (1867), «Домашние растения и животные в их миграции из Азии в Грецию и Италию, а также в другие страны Европы. Исторически-лингвистические эскизы» (1870) реконструировал «миграцию» материальной культуры из Азии в Грецию и Рим, а в дальнейшем и в Европу. Характерные для современного итальянского пейзажа агавы, утверждал Ген, не украшали исторические сады Нерона и Калигулы, как это можно видеть на картинах некоторых «невежественных» живописцев, но были привезены лишь после открытия Нового света. Маслины, виноград, розы, лилии, голуби, куры, персики, вишни, — все они, доказывал он,

также пришли в Европу из Азии (см. подробнее: [Trautmann-Waller: 175–189; Дмитриева 2014: 176–194]).

В рамках интересующей нас темы и по аналогии с вышеизложенным позволительно задаться вопросом: насколько русская усадьба, которую мы традиционно почитаем явлением сугубо русским, скрывала в себе восточный компонент. Насколько могла она заставить задуматься о Востоке, сгустивать восточные фантазмы и погружать в восточные сюжеты? Мы рассматриваем усадьбы средней полосы России, оставляя за скобками крымские и кавказские усадьбы, по определению восточные или стилизовавшиеся под восток¹, а также русские усадьбы, расположенные в азиатских частях России и за ее пределами, как например, Государево имение в Туркменистане, современная усадьба Атласовых в Якутии, усадьба Волга в Харбине и др.

В архитектурном отношении вопрос решается однозначно, особенно если мы вспомним, что так называемый английский стиль усадебных парков, пришедший в Россию из Англии, имел на самом деле китайское происхождение², хотя традиционно русским по иронии судьбы считался французский стиль или французский парк. Китайскими, турецкими, одним словом, восточными павильонами, беседками и другими архитектурными капризами было модно с конца XVIII в. наполнять как загородные аристократические летние резиденции, так и усадьбы помещиков средней руки. Вспомним, например, китайский павильон и турецкую баню в Царском селе. Но вспомним также и усадьбу И. Д. Шепелева на Выксе (Выксунские заводы), главный дом которой представлял собой нечто вроде восточного дворца, наполненного мебелью в восточном вкусе, турецкими диванами (вместо

¹ См., напр., описание крымской усадьбы Кучук-Кой в монографической статье Б. М. Соколова «Небесное садоводство. Образ сада в искусстве русского символизма» [Соколов: 535–564].

² Мода на китайские сады, обогатившая так называемый английский стиль, заставила вспомнить то давнее презрение, которое китайцы испытывают к европейским садам, основанным на геометрическом принципе. Даже ребенок, умеющий считать до ста, утверждали китайцы, мог бы посадить ряды деревьев, вытягивающихся в прямую линию. Истинную красоту они называли *Sharawadgi* — подразумевая под ней красоту, возникающую тогда, когда порядок и последовательность непознаваемы [Marin: 114–116], см. также: [Дмитриева, Купцова: 439–449].

стульев), покрытыми коврами [Дмитриева, Купцова: 350]. На рубеже XIX и XX вв., в эпоху господства архитектурной эклектики, восточный элемент в архитектуре русских усадеб и вовсе возобладал.

Конечно, здесь сыграл свою роль филоориентализм — особое направление эстетической мысли, предполагающее использование стилистики восточного искусства, а также сюжетов восточного быта в культурах европейского типа, начало которого в Европе связывают с «Персидскими письмами» Монтескье и которое воспринималось как своеобразный протест против апологетической культуры Запада и европоцентризма, игнорировавшего восток как начало и исток мировой цивилизации. В Россию филоориентализм приходит с конца XVIII в. Русская литература этого времени (подобно западноевропейским литературам) содержала в себе немало восточных мотивов и сюжетов, в частности, о султанских дворцах (излюбленный тоpos французских трагедий) с их гаремами, наполненными прекрасными девами.

Но примечательно, что эти казалось бы чисто литературные фантазмы о султанах, имевших свои гаремы, проникали и в русский усадебный быт. Уже упомянутый выше хозяин усадьбы на Воксе Иван Дмитриевич Шепелев любил изображать себя султаном:

Иногда носил он даже турецкий костюм, чалму и принимал гостей не иначе, как сидя на диване с поднятыми ногами; или же совершал торжественные выезды в таком же костюме, верхом, а за ним следовало несколько лакеев, у которых для сходства с настоящими арапами лица были вымазаны чем-то черным. Где-нибудь в поле раскидывали великолепный шатер, и Иван Дмитриевич, окруженный крепостными одалисками, проводил тут несколько дней, разыгрывая роль восточного властелина [Фектистов: 102].

В своей известной программной статье барон Н. Врангель одним из первых обратил внимание на эту двусмысленность русской усадебной культуры:

Странное дело, но в этой повести о прошлом какая-то особенная, может быть, только нам, одним русским, понятная своеобразная прелесть; прелесть грубого лубка, чудо простонародной русской речи, сказка песен, пропетых в селе, ухарство русской пляски. Все — на фоне античных храмов

с колоннами, увенчанными капителями ионического, дорического или коринфского ордера. Пляска русских босоногих малашек и дунк в «Храме Любви», маскарад деревенских парней в костюмах богов и богинь древности. Или где-нибудь в Саратовской или Симбирской губернии — *девки-аранки с восточными опахалами* (Курсив мой. — Е. Д.) на фоне снежных сугробов. Что может быть нелепее и забавнее, печальнее и умнее? [Врангель: 26–27].

Конечно, пресловутые крепостные гаремы (серали), своего рода дань Востоку, могли быть своеобразно приправлены французской нотой: так, восточные одалиски заменялись порой фаворитками на французский манер. Пример тому мы находим в имении князя Г. Гагарина, губернатора Пензенской губернии, который в начале XIX столетия завел у себя в деревне двух фавориток из старых женщин. Первую он назвал маркизой де Монтеспан, вторую девицей де Лавальер. Первая составляла его партию в бостон и сверх того давала ему деньги взаймы только за высокие проценты, за это качество к ее титулу он прибавил еще второй — мадам ла Ресурс. Вторая платоническая метресса пензенского Людовика была тихая, богомольная, пожилая женщина — ее он посвятил в девицы де ла Вальер. Князь Григорий был женат, жена его была кроткая и нежно любила мужа, в свою очередь и супруг к ней был верен. Но что всего забавнее — он заставлял жену показывать чрезвычайную холодность к обеим этим мнимым метрессам» [Пыляев: 226].

Говоря о филооринетализме, маркировавшем в целом и европейскую, и русскую культуру, в том числе и усадьбную, не следует забывать и о том, что усадьба (как, собственно, и город) есть особого рода пространство, принципиально открытое синтезу европейской и восточной культур. Особенность эту можно было бы определить как некую изначально присущую усадьбе претензию на всемирность. Являя собой вполне конкретный локус, обладая границей (оградой — само слово «усадьба», как, собственно, и город, происходит от глагола «усадить», обнести границей), усадьба пытается эту границу одновременно и удержать, и размыть, вобрав в себя мир или же заменив мир собою (что порой оказывается почти эквивалентным). Подобно тому, как, остроумный П. А. Вяземский заметил однажды, что «Америка, Африка, Азия, куда Вольтер переносил свои драматические сочинения, <...> не выдавались из ограды Парижских застав» [Вяземский: 117], а лири-

ческий герой В. Гюго (цикл «Восточные мотивы», 1829), глядя в окна парижского дома, прозревал в Париже Восток и восточную культуру, усадьба — своей архитектурой, внешним и внутренним убранством, развешенными по стенам гравюрами и картинами, высаженными в парке цветами — позволяла, не выходя за очерченные границы, путешествовать по миру (*orbi*) [Dmitrieva: 353–380]. Путешествие это могло включать в себя и запад, и восток, а порой и то и другое. Собственно именно с этим связаны характерные именно для русского усадебного быта случаи уподобления русских усадеб как западному образцу, так и восточному. И наряду с загородными домами «во французском вкусе», «палладианскими дворцами на гальский лад», так называемым русским Версалем, мы имеем, например, подмосковное Кайнарджы — бывшее имение Троицкое, в десяти верстах от Кусково, куда Екатерина II приезжала праздновать Кючук-Кайнарджийский мир и повелела переименовать имение в память того, что здесь среди роскошного пира не был забыт и мир с турками [Дмитриева, Купцова: 23]

С некоторой натяжкой можно сказать, что даже пресловутая усадебная любовь, этот яркий маркер русской усадебной жизни, имеет, хотя и отдаленные, но все же восточные корни. Само представление о садах Эдема как садах любви, с которыми так часто сравнивались усадебные сады, пришло с Востока, о чем свидетельствует в частности легенда о Гильгамеше. Так и Уильям Чемберс в своем «Рассуждении о восточном садоводстве» писал о возбуждающих эротические желания клумбах жасмина, виноградника, роз в китайских садах [Chambers: 28]. Наблюдение, которое блистательно использовал в свое время философ и вольнодумец, ученик Винкельмана герцог Леопольд Фридрих фон Анхальт-Дессау, пожелавший превратить свою резиденцию в Верлице в «царство свободной любви» (см. раздел «Неудавшийся эксперимент» монографии [Reil: 161], см. также: [Дмитриева, Купцова: 118–119]. Но разве кусты жасмина, сирени, запах цветов в русских усадьбах не могли производить подобного же эффекта? Вспомним, какая именно сцена предшествовала свиданию Татьяны с Евгением в третьей главе «Евгения Онегина».

Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад

Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью,
И, задыхаясь, на скамью
Упала

[Пушкин 1937–1959. 5: 65].

«Всеотзывчивость» Пушкина, его способность откликаться на самые далекие явления и культуры — не пустой звук. И конечно же не случайно, хотя скорее всего совершенно интуитивно, в эту в высшей степени целомудренную сцену свидания Пушкин вписывает то, что в восточной культуре было осмыслено как своего рода искусство жить и любить.

И все же, в очередной раз позволим себе задаться вопросом: что собственно восточного мог ощутить Пушкин в Михайловском, куда он впервые приехал после окончания Лицея в 1817 г., обрадовавшись «сельской жизни, русской бане, клубнике и проч.», затем в 1819 г., написав здесь свою знаменитую «Деревню» («Приветствую тебя, пустынный уголок, / Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...»), и, наконец, в 1824 г. отправившись в ссылку, которая при всем драматизме ситуации оказалась для него судьбоносной: здесь будут написаны деревенские главы «Евгения Онегина», драма из русской истории «Борис Годунов» и многое-многое другое. Но Михайловское было имением сугубо русским, с некоторым, правда, европейским налетом (сад в голландском стиле), и с явно русской ономастикой, в которой ничего не было от характерных Монплеизр, Паради, Монмари и проч. (Михайловское первоначально называлось Зуёво, и название это было связано с тем, что здесь водились — и водятся до сих пор — серые цапли, которых местное население называет «зуи»). Ничего восточного не было также в облике усадьбы Тригорское соседей Осиповых-Вульф, которая стала для Пушкина в годы ссылки вторым домом. В отличие, может быть, от соседнего Петровского, родового имения Ганнибалов, расположенного на землях, которые в 1742 г. императрица Елизавета Петровна подарила прадеду Пушкина Абраму Петровичу Ганнибалу. В 1781 г. оно перешло ко второму его сыну, двоюродному деду А. С. Пушкина Петру

Абрамовичу Ганнибалу, который по восточному обычаю(!) завел себе там гарем [Козмин].

Со своим двоюродным дедом Пушкин однажды пообщался в 1817 г. С его сыном, с 1825 г. новым хозяином Петровского Вениамином Петровичем он общался уже в период ссылки. Но это общение было эпизодическим. В остальном же, можно сказать, что в 1824 г. в Михайловском Пушкин в прямом смысле слова погружается в мир русской жизни (русская природа, общение с местными крестьянами, сказки няни Арины Родионовны и проч.).

И тем более примечательно и даже загадочно, что свое самое восточное по духу и стилистике произведение, которое критики впоследствии нередко сравнивали с «Западно-восточным диваном» Гете, а именно стихотворный цикл «Подражания Корану» Пушкин пишет именно в Михайловском, вскоре после своего приезда в ссылку, работая над ним с 26 сентября по 29 ноября 1824 г. [Пушкин 2019: 578]. И посвящает его своей тригорской соседке Прасковье Александровне Осиповой-Вульф («П. А. Осиповой»).

Разумеется, для Пушкина восточная тематика была не новой. Существует мнение, что знакомству Пушкина с Востоком, его поэзией еще в лицейские годы способствовал журнал «Вестник Европы», публиковавший начиная с 1811 г. переводы из персидской и арабской литературы [Лобикова: 11–18; Атаханов: 16–17]. В 1814 г. журнал печатает статью французского ориенталиста А. Журдена — отрывок из его книги «Персия или Картина управления, религия и литература этой страны», изданной в том же году в Париже. О Персии, об исламе, об учении пророка огнепоклонников Заратуштры Пушкин писал лицейский профессор И. К. Кайданов в книге «Руководство к познанию всеобщей политической истории», и об этом он рассказывал, по-видимому, на лекциях лицеистам. В 1818 г. журнал «Вестник Европы» опубликовал статью Сисмонди «О литературе арабской», в которой большое место было уделено поэтике арабских сказок «1001 ночи». С их вольным переводом, выполненным А. Голланом, как и французскими переводами и переложениями газелей Хафиза и «Завещания» Саади Пушкин скорее всего также мог познакомиться в лицейские годы. Сюда следовало бы добавить чтение восточных повестей и драм французских авторов — Вольтера, Монтескье, знакомство с оперой Моцарта «Похищение из Сераля», написанной на тему востока, с балетами Шарля Луи

Дидло на темы восточных сказок («Халиф Багдадский», «Ханзи и Тао» и др.¹). Важным источником сведений о Востоке, его культуре и литературе для Пушкина был и домашний, хотя и недолго просуществовавший, театр графа В. В. Толстого, который находился в Царском Селе и посещаемый лицеистами. На сценах театра разыгрывались спектакли на восточные темы, и он же упоминается в стихах Пушкина 1813 г. «К Наталье» (крепостной певице Толстого) и в стихах 1815 г. «К молодой актрисе». Не слишком разделяя мнение о том, что в стихотворении «К Наталье» юного Пушкина чувствуется дыхание Хафиза и его суфийских приемов [Атаханов: 30], видя в нем по большей части рокайльную игру юного Пушкина [Дмитриева 2000: 181–191], упомянем все же данную интерпретацию как особого рода герменевтический казус, способный открыть новые смыслы в раннем стихотворении Пушкина.

Важным было для Пушкина также и общение с его лицейским другом В. К. Кюхельбекером, который позже в своей знаменитой, хотя и обруганной критиками статье 1824 г. «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (Мнемозина. 1824. Ч. 2) будет говорить об обращении к восточной поэзии как актуальной задаче русской литературы [Кюхельбекер: 456–457].

Восточный след исследователи с разной степенью достоверности обнаруживают и в других произведениях Пушкина лицейского и раннего петербургского периода: армянское предание, которым Пушкин будто бы воспользовался при написании «Гаврилиады» [Гулянян: 383–401]; поэму Фирдоуси «Шахнаме», следы которой обнаруживаются в поэме «Руслан и Людмила», частично — через текст-посредник, которым была «Повесть о Еруслане Лазаревиче», сама представлявшая собой переделку отдельных эпизодов из «Шахнаме» [Лобикова 13; Атаханов: 42–44].

Разумеется, непосредственное переживание востока, пусть и в достаточной степени уже европеизированного, относится у Пушкина уже к кишиневско-одесскому периоду. Кавказский край, знойная граница Азии, <...> любопытен во всех отношениях. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существен-

¹ Балеты Дидло Пушкин дважды упоминает в «Евгении Онегине», сначала в квази собственноручной оценке («Там и Дидло венчался славой, / Там, там под сению кулис / Младые дни мои неслись»), а затем как оценке Онегина («Балеты долго я терпел, Но и Дидло мне надоел») [Томашевский: 263].

ной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам преградою в будущих войнах — и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии», — пишет Пушкин брату 24 сентября 1820 г. [Пушкин. 1937–1959. 10: 17].

Поэтические впечатления от встречи с «живым Востоком» находят отражение в кишиневско-одесский период в южных поэмах, ставших в русском сознании своего рода аналогом и заместителем восточных поэм Байрона [Жирмунский]. Запад (Европа), олицетворением которого предстает пленник, и Восток (черкешенка) сталкиваются в поэме «Кавказский пленник». С эпиграфа, заимствованного из изречений Саади, начинается поэма «Бахчисарайский фонтан» («Многие, так же как и я, посещали сей фонтан, но иных уже нет, другие странствуют далече») [Пушкин 1937–1959. 4: 153]. Поэма эта, по общему признанию, стала своего рода связующим звеном между Пушкиным одесского (крымского) периода и Пушкиным периода михайловского. Что в частности проявилось именно в лирическом цикле Пушкина «Подражания Корану» (1824), девять стихов которого, будучи вариациями на темы сур Корана, продолжили разработку «восточной» темы, начатой в «Бахчисарайском фонтане» (1821–1823). Правда, на этот раз «сходные жанрово-стилистические задачи» были поставлены применительно не к поэме но к лирике [Бодрова: 190]. К тому же принципиальным различием этих двух филоориенталистских произведений было то, что восточная поэма «Бахчисарайский фонтан» была порождена, при всех иных литературных и прочих импульсах, конкретными крымскими впечатлениями. В Михайловском же все происходило наоборот: восточный сакральный текст становится в это время заместителем «живых впечатлений», но очень важным виртуальным поводом разговора о глубинных проблемах пушкинского бытия.

Автор первой критики на «Бахчисарайский фонтан» М. М. Карниолин-Пинский отмечая удачу Пушкина в воспроизведении восточного колорита в поэме писал: «...стихи <...> проникнуты духом восточных обычаев и цветут азиатскою роскошью, подчинённую законам образованного вкуса» («Сын отечества». 1824. Ч. 92. № 13) [Пушкин в прижизненной критике: 209].

Примечательно, что этот чуть ли не единственный в то время отклик невольно «воспроизвел» требование, которое сам Пушкин предъ-

явит к изображению Востока, объясняя, почему восточным поэмам Томаса Мура он предпочитает Байрона:

Кстати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — писал Пушкин Вяземскому в письме от конца марта – начала апреля 1825 г. уже после того, как «Подражания Корану» были написаны, — потому что он чересчур уж восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранять вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в «Гяуре», в «Абидосской невесте» и проч. [Пушкин 1937–1959. 13: 160].

Авторы, которых назвал Вяземскому Пушкин, были основными, кто задавал уже в 1820–1830-е гг. в России моду на ориентальную тему¹. И именно восточная поэма «Лала-Рук», французский перевод которой он прочел еще в 1821 г. (ее переведет позже на русский язык В. А. Жуковский), автора которой Пушкин критикует как «чопорного подражателя безобразному восточному воображению», послужила ему одним из первых источников знакомства с Кораном (цитаты из Корана приводились Муром в многочисленных авторских примечаниях).

Дискуссионным остается вопрос, мог ли хотя бы отчасти инспирировать обращение Пушкина к Корану «Западно-восточный диван» (1819) Гете. А ведь друг Пушкина Кюхельбекер, к мнению которого он прислушивался, составил в 1825 г. краткий конспект, содержащий имена, хронологические даты и заметки для памяти об арабской и персидской поэзии, извлеченные из исторического аппарата к стихотворениям «Дивана» [А. Востоков, В. Кюхельбекер, Е. Розен: 663–665]. И хотя сам конспект относится к чуть более позднему времени, а именно к 1825 г., вполне возможно, что какие-то разговоры о «Западно-восточном диване» между Пушкиным и Кюхельбекером шли еще в лицейские годы. В качестве некоего курьеза из серии «бывают странные сближения» упомянем характеристику Гете как автора «Дивана», которую

¹ Осенью 1824 г., когда Пушкин работал над «Подражаниями...», вышел, в частности, сборник А. А. Шишкова «Восточная лютня». Библиографию «восточных стихотворений» в русской печати 1820–1830-х гг. см.: [Тартаковский: 10–24].

Кюхельбекер дал в своей статье «Разговор с Ф. В. Булгариным» и которая органично накладывается и на Пушкина:

С дивною легкостью Гете переносится из века в век, из одной части света в другую <...> в «Ифигении» он грек; древний тевтон в «Вальпургиевой ночи»; поклонник Браммы и Маоде в «Баядере»; в «Диване», сколько возможно европейцу, никогда не бывавшему в Азии, — персиянин... в «Диване», сколько возможно, европейцу, никогда не бывавшему в Азии, — (он) персиянин [Кюхельбекер: 463]¹.

В Записной тетради Пушкина стихи цикла соседствуют с беловым с поправками автографом стихотворения «К морю», наброском «Как узник, Байроном воспетый...» (рядом со стихотворением на левом поле — рисунок: ноги в восточных шароварах), черновым автографом ХLI строфы третьей главы «Евгения Онегина», автографом «Разговора Книгопродавца с Поэтом» [Пушкин 2019: 577, 579, 580], что позволяет хотя бы отчасти восстановить мыслимый и творческий контекст работы Пушкина над циклом: Крым, судьба Наполеона, русская деревня, миссия поэта и бытовые условия его существования. При этом известно, что в истории творческих интересов Пушкина в михайловский период работу над подражаниями священной книге мусульман сменил интерес Пушкина к библейским текстам. Так, о присылке Библии он просит брата Л. С. Пушкина в конце ноября – начале декабря 1824 г. [Пушкин 1937–1959. 13: 123, 127]. Пытаясь найти адекватные поэтические средства (прежде всего лексико-фразеологические) для воспроизведения «восточной», мусульманской экзотики, он одновременно экспериментирует с поэтикой высокой духовной лирики (к середине 1820-х гг. она снова оказалась востребованной, пример чему являет Ф. Глинка (см. подробнее: [Бодрова: 193]. Как отмечал О. А. Проскурин, важной особенностью пушкинского поэтического эксперимента в «Подражаниях Корану» было то, что он использовал поэтику и стилистику духовной оды — жанра, обладавшего в системе европейской культуры высшей авторитетностью, применительно к экзотическому материалу, относящемуся к «заведомо “неистинной” религии» [Прос-

¹ Тезис о полной независимости замысла Пушкина в «Подражаниях Корану» от Гете защищал И. С. Брагинский [Брагинский: 312–332].

курин: 385]. Впрочем, обращение к библейской образности и стилистике могло быть подсказано и самим текстом Корана, в котором содержится немало заимствований из библейских книг и отсылок к ним, о чем писал в предуведомлении русский переводчик Корана М. И. Веревкин (1732–1795), переводом которого пользовался Пушкин («Слог Аль-Корана везде прекрасен и текущ, паче же на местах подражательных речениям пророческим и стихам библейским» [Фомичев]).

Повернувшись в сторону Востока в момент своего глубинного погружения именно в русскую жизнь, сопрягая свою имитацию сакральному тексту мусульман с деревенскими впечатлениями и южными воспоминаниями, Пушкин в какой-то мере словесно делает то, что делали архитекторы усадьбы, имитировавшие восточный стиль и создававшие на основе этой ассимиляции принципиально свое.

Как уже отчасти было сказано, в изданиях «Стихотворений» Пушкина 1826 и 1829 гг. «Подражания Корану» печатались с посвящением «П. А. Осиповой», соседке Пушкина и хозяйке соседнего имения Тригорское. Сам факт этого посвящения в исследовательской литературе мотивируется как правило двумя факторами: тем, что русский перевод Корана, сделанный Веревкиным, Пушкин мог найти в библиотеке Тригорского (предположение, на самом деле, гипотетическое, описанием этой библиотеки, сделанным Б. Л. Модзалевским, по необходимости неполным, не подтвержденное [Модзалевский 1903: 19–52] (см. также: [Мальцева: 33–43])). Второе гипотетическое объяснение основано на том, что, по крайней мере, какая-то часть «Подражаний Корану» создавалась в сентябре–ноябре 1824 г. непосредственно в Тригорском, где Пушкин после ссоры с отцом, Сергеем Львовичем, согласившимся стать «попечителем» сына, проводил большую часть времени. В этой связи цитируются, как правило, слова Пушкина из его письма к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г.: «Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро все переменилось: отец, испуганный моей ссылкой, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пещуров (опочечкий уездный предводитель дворянства. — *Е. Д.*), назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче — быть моим шпионом» [Пушкин 1937–1959. 13: 116]. А также строки из письма брату Льву от 1–10 ноября 1824 г.: «...я в Михайловском редко...» [Пушкин 1937–1959. 13: 118].

Но задумаемся: могло ли только это — физическое пребывание в Тригорском в период создания «Подражаний Корану» и гипотетическое чтение Корана в переводе Веревкина из библиотеки Тригорского стать причиной посвящения Осиповой такого важного для Пушкина поэтического цикла? Конечно, Осипова, которую Пушкин в 1819 г. называл с юношеской беспечностью «милой старушкой», безусловно становится в 1824 г. близким для него человеком. Ей в михайловский период Пушкин посвятит (вариант: адресует) предельно автобиографическое стихотворение «Презрев и голос укоризны» (датировано последними числами октября 1824 г.), замысел которого был связан с планами побега Пушкина за границу. Замыслы эти возникли еще на Юге (что отразилось и в его стихотворении «К морю» [Пушкин 2019: 515], и стали особенно насущными после ссоры с отцом в последних числах октября 1824 г.

П. А. Осипова тогда вмешалась и в конфиденциальном письме к Жуковскому от 22 ноября 1824 г. попыталась Пушкина защитить:

Если Алекс(андр) должен будет оставаться здесь долго, то прощай для нас русских его талант, его поэтический гений, и обвинить его не можно будет. Наш Псков хуже Сибири, а здесь пылкой голове не усидеть. Он теперь так занят своим положением, что без дальнего размышления из огня вскочит в пламя — а там поздно будет размышлять о следствиях. Все здесь сказанное не пустая догадка, но прошу вас, чтобы и Лев Серг(еевич) не знал того, что я вам сие пишу. Если вы думаете, что воздух и солнце Франции или близь лежащих к ней, через Альпы, земель полезен для русских орлов, — и оный не будет вреден нашему, то пускай останется то, что теперь написала, вечною тайною. Когда же вы другого мнения, то подумайте, как предупредить отлет (впервые напечатано: Русский архив. 1872. № 12. Стб. 2361–2362) Цит. по: [Цявловский 1962: 137].

В этом контексте представляется значительным (хотя и слабо верифицируемым), рассказ А. Н. Вульфа, сына Осиповой, о том, что Пушкин собирался бежать из России под видом его крепостного слуги («Дошло ли бы у нас дело до исполнения этого юношеского проекта, — говорил впоследствии М. И. Семевскому А. Н. Вульф, — не знаю; я думаю, что все кончилось бы на словах» [Семевский 2008].

Осиповой-Вульф было посвящено и стихотворение под заглавием «П. А. О <сиповой>» («Быть может, уж недолго мне...») (1825), авто-

граф которого без заглавия, но с пометой под текстом: «С<ело> Михайловское. 25 июня 1825» был записан в так называемый большой альбом П. А. Осиповой, местонахождение которого ныне неизвестно¹. В нем тоже речь шла о поэтическом побеге — но на этот раз не тайном: весной Пушкин отправил на высочайшее имя прошение о позволении ему выехать в Европу для лечения аневризма, которое он в конце концов так и не получил (ему было рекомендовано лечиться в Пскове), однако послание «П. А. О(сиповой)» создавалось в ожидании ответа, когда отъезд еще казался возможным.

Еще одно стихотворение, посвященное Пушкиным Осиповой в Михайловский период и содержащее дату «1824 г.» (хотя, возможно, написанное позже), — «Цветы последние милей...», копия которого имеется в альбоме-футлярике П. А. Осиповой с пояснительной пометой над текстом ее рукой: «Стихи на случай в позднюю осень присланных цветов к П<ушкину> от П<расковы> О<сиповой>» [Пушкин 2019: 775–776]. Стихотворение загадочное, по сути, признание в любви, модальность которого не раз вынуждала и мемуаристов, и исследователей строить догадки об особом отношении Пушкина к Осиповой, вплоть до их возможной обоюдной гипотетической влюбленности друг в друга². Так, А. М. Аринштейн сближал «Цветы последние милей...» со стихотворением «Виноград» (1824), считая, что это «два типологически близких стихотворения», намекающие на предпочтение, отданное немолодой женщине [Аринштейн: 80]. Еще фантастичнее была версия С. М. Громбаха, согласно которой в стихотворении отразились пере-

¹ Первые сведения об альбоме Осиповой, который в Тригорском называли «большим», были даны в статье М. И. Семевского «Прогулка в Тригорское». Альбом хранился у дочери Осиповой баронессы Е. Н. Вревской в имении Голубово. Последней владелицей альбома была внучка Вревской кн. А. А. Хованская. Впоследствии он был утерян (или похищен). См. подробнее: [Пушкин 2019: 717].

² См. выразительный портрет Осиповой, сделанный А. П. Керн в письме к П. В. Анненкову (апрель – май 1859 г.): «...рост ниже среднего <...> и стан выточенный, кругленький, очень приятный; лицо продолговатое, довольно умное <...> нос прекрасной формы; волосы каштановые, мягкие, тонкие, шелковые; глаза добрые, карие, но не блестящие; рот ее только не нравился никому: он был не очень велик и не неприятен особенно, но нижняя губа так выдавалась, что это ее портило. Я полагаю, что она была бы просто маленькая красавица, если бы не этот рот» [Керн: 291].

живания, вызванные отнюдь не Осиповой, но вторичным посещением Тригорского А. П. Керн в начале октября 1825 г., когда между Пушкиным и ею «по-видимому, произошла размолвка. <...> По сравнению с таким свиданием <...> предшествующая ему разлука, заполненная оживленной перепиской и постоянными воспоминаниями, конечно же, для Пушкина могла быть “живее самого свиданья”» [Громбах: 104].

Впрочем, и непосредственные участницы событий, а именно тригорские барышни, отмечали некую ревность в отношении к Пушкину Осиповой, о которой впоследствии А. И. Тургенев писал брату Николаю 16 февраля 1837 г., что Осипова «как мать любила поэта» [Пушкин и его современники: 78]. Так, Анна Н. Вульф в письме к Пушкину из Малинников от 8 марта 1826 г. жалуется на мать, не позволяющую ей вернуться в Тригорское (читай: в соседство к Пушкину): «Я в самом деле думаю, как и Анета Керн, что она хочет одна завладеть вами и оставляет меня здесь из ревности» [Пушкин 1937–1959. 13: 268, 553].

Итак, три стихотворения, посвященные Осиповой — одно о побеге, другое о расставании, третье почти что признание в любви. И цикл... «Подражания Корану». Конечно, мы имеем все основания полагать, что упомянутыми выше двумя внешними причинами факт посвящения этого цикла Осиповой не ограничивался. Толкователями лирики Пушкина давно уже были предложены различные модальности интерпретации цикла: эстетическая («форма»), религиозная, наконец, автобиографическая (см., напр.: [Нольман: 116–126]).

Думается, что определенным ключом к загадке имени Осиповой-Вульф, вписанной в текст «Подражаний Корану», может послужить именно тот автобиографический подтекст, который не только сопровождал работу над циклом (это очевидно), но и тот, который оказался в них сокрыт, или зашифрован. Надо сказать, что в этом смысле у Пушкина был прецедент, причем в непосредственном его окружении: то был перевод Жуковским второй части из той самой восточной поэмы «Лалла-рук», который он озаглавил «Пери и ангел» и в которую поэт вписал историю своей влюбленности в великую княгиню Александру Федоровну, жену великого князя Николая Павловича (Николая I) (см. подробнее в комментарии Э. Жиликовой [Жуковский: 404–414]).

Не претендуя на сколь-либо внятную интерпретацию пушкинского цикла или же реферирование уже существующей его герменевтики, остановимся лишь на том, что эти подражания мусульманским

сакральным сурам предстают как эмблема собственных жизненных испытаний Пушкина. Подобный поиск автобиографических проекций в произведениях отнюдь не автобиографического жанра — дело рискованное и чреватое одновременно фантазийностью и банальными упрощениями. В некотором отношении нас оправдывает то, что начиная с XVIII в. восток, восточные сюжеты нередко служили ширмой, за которой скрывалось отнюдь не восточное, но очень современное содержание. Вспомним, например, «Нескромные сокровища» Дидро или «Неадарне» Кребийона-сына и др.

В контексте житейской ситуации Пушкина осени 1824 г. обращает на себе внимание тема преследования и спасения, которая появляется в переложении суры 7 Корана «Робкий» — у Пушкина «Восстань, боязливый...». Примечательно, что упоминание о пещере, в которой чудесным образом спасался от вражеского преследования пророк, в оригинальной суре отсутствует. Мотив этот восходит, по-видимому, к предположительно переводу Савари жизнеописанию Магомета [Пичхадзе; Фомичев: 39; Бодрова: 593–594]. Там же описано, как Магомет «оживил» высохший колодец и напоил войско, умиравшее от жажды. И хотя последний эпизод имеет близкую параллель в библейской Книге Исход, где описано, как Моисей высек ударом посоха источник воды в пустыне и напоил народ Израилев (Исх. 17: 1–7), а мотив молитвы в пещере мог опираться не на кораническую, а на библейскую традицию — «Писание Давида, когда он убежал от Саула в пещеру» (Пс. 56: 1) и «Учение Давида. Молитва его, когда он был в пещере» (Пс. 141: 1), тот факт, что Пушкин сознательно допускает «вольность» в своем подражании, интонирует сюжет как особо для него важный. Сюжет, лично важный для того, кто сам убегал от преследующего его врага (читай: родного отца С. Л. Пушкина, а возможно, и царя) и кто чудесным образом оказался спасен именно той, кому и посвящен данный цикл: «Кого же в сень успокоенья Я ввел, главу его любя, И скрыл от зоркого гоненья»¹.

¹ Несколько наивно звучащий вывод исследователя о приведенных строках на самом деле достаточно точен: «Нам представляется, что они (строки. — Е. Д.) вызывают в памяти образ Осиновой Прасковьи Александровны — соседки поэта по имению, владелицы Тригорского, которая после ссоры Пушкина с отцом как преданный друг предоставила ему “сень успокоенья”, обласкала его вниманием и “скрыла от зоркого гоненья”» [Атаханов: 66].

В свое время, характеризуя «восточное царство» в своей работе «Философия права», Гегель писал:

В великолепии этого целого индивидуальная личность бесправно исчезает, внешняя природа непосредственно божественна или есть украшение бога, и история действительности есть поэзия. <...> на Востоке магометанская религия как бы очистила почву, изгнала всякое ограниченное и фантастическое идолопоклонство. Она дала душе субъективную свободу, совершенно ее заполняющую, так что мирское здесь ... поглощается, как и все остальное, всеобщей вольностью. Тут сердце и ум, не оформляя для себя бога как объект, внутренне примиренные в живой радости и, подобно нищим, счастливо наслаждаются... [Гегель 375].

Идея пророческой миссии поэта, возрождения жизни через смерть, вера в силу слова, — это именно то, что так необходимо было Пушкину, особенно в первые кризисные месяцы пребывания в Михайловском, когда он вдвойне чувствовал себя пленником — испытал «неправое гоненье» — и внешнее (царя), и семейное (отца). Отсюда и строки: «Мужайся ж, презирай обман, Стезею правды бодро следуй», а также строки, адресованные Богом пророку Мухаммеду: «Не я ль язык твой одарил Могучей властью над умами», прямо предвещающие пушкинского «Пророка», настолько звучащего по-пушкински, что в нем далеко не сразу заметили кораническую основу — 94-ю суру Корана: «Разве мы не раскрыли тебе твою грудь? И не сняли с тебя твою ношу, Которая тяготила твою спину» [см.: Атаханов: 86]. И эта соотнесенность с думой о миссии, которая ему самому предуготована, позволила даже такому блистательному знатоку пушкинского творчества, как Б. В. Томашевский, впоследствии утверждать, что Пушкин в своих «Подражаниях Корану» ввел от себя тему, «совершенно отсутствующую в Коране — о силе языка, могуществе слова», — мнение, которое в комментарии последнего академического издания Пушкина кардинально пересмотрено [Пушкин 2019: 594].

Источником четвертого «Подражания Корану» послужили поучения из второй суры Корана, представляющие собой притчу о споре правителя Месопотамии Нимврода с мифическим библейским патриархом Авраамом (Ибрахимом) о том, кто более могуществен — он (царь) или бог. В Коране это выглядит так: «Так вот, сказал ему Ибра-

хим: “Мой Господь — тот, кто оживляет и умерщвляет”. Царь возразил: “Я оживляю и умерщвляю”. Сказал Ибрахим: “Воистину Аллах заставляет восходить Солнце на Востоке, заставь же его взойти на Западе”. Пушкин обостряет течение конфликта тем, что с царем, считающим себя всемогущим, спорит сам бог, а не его пророк: «С тобою древле, о всесильный, / Могучий состязаться мнил, / Безумной гордостью обильный; / Но ты, господь, его смирил». И вводит к тому же реплику царя, отсутствующую в Коране: «С тобою, боже равен я», завершающуюся строками: «Но смолкла похвальба порока / От слова гнева твоего. / Подъемлю солнце я с Востока; / С заката подыми его!» [Пушкин 2019: 598–599]. И не сокрыто ли за этими строками то обостренное и болезненное отношение к царю земному Александру, причине его изгнаний, которое у помудревшего Пушкина уже снимается в его знаменитом «19 октября» (1825):

Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей
[Пушкин 2019: 77].

Среди оставшихся в черновиках стихотворений и набросков Пушкина михайловского периода мы находим строки, датируемые не ранее первой половины февраля 1825 г. – не позднее января 1826 г:

В пещере тайной в день гоненья
Читал я сладостный Коран.
Внезапно Ангел Утешенья,
Влетев, принес мне талисман.
Его таинственная сила
< >
Слова святые начертила
На нем безвестная рука
[Пушкин 2019: 135].

По предположению С. А. Фомичева, набросок представлял собой «первоначальную редакцию» двух «Подражаний Корану»: VII («Вос-

стань, боязливый...») и I («Клянусь четой и нечетой...») [Фомичев: 24–25]. По предположению П. В. Анненкова, «автор здесь набрасывает первый очерк известного стихотворения “Талисман” и заставляет говорить мусульманина, не имея нисколько намерения показать сладость корана и ангелов Магомета, что было бы совершенною нелепостью» [Анненков: 30]. Не вдаваясь в текстологические и концептуальные споры исследователей, по-разному интерпретировавших данный набросок, отметим в заключение именно то, что касается интересующей нас темы. Вне зависимости от того, будем ли мы считать эти строки наброском подражаний сурам Корана или же давать этому «не реализованному во всей полноте замысла» замыслу «биографическую интерпретацию (ситуация прощания на юге с Е. К. Воронцовой [Пушкин 2019: 1027]), чтение «сладостного Корана» предстает в этих строках у Пушкина родом волшебного перстня. Того самого перстня, что позволяет (да простит нам читатель эту аналогию) изрекать, как в «Нескромных сокровищах» Дидро, то сокровенное, что лишь под действием его таинственной магии (не случаен этот настойчиво повторяющийся эпитет «таинственный») позволяет узреть незримое, что открывается «святым словам».

Самое интересное, что в этих семи неполных строках (стихах) словно прочерчена связь, соединившая два жизненных периода и две поэтические темы, произвольно рифмующиеся: Коран и Талисман.

Нам уже случилось однажды писать о том, какая дискуссия развернулась на одном из совещаний научно-музейной части Пушкинского заповедника в 1960 г. по поводу введения в экспозицию слепка пушкинского талисмана [Дмитриева 2022: 211–232]. Проект этот не был реализован. Вместо того по решению директора заповедника С. С. Гейченко в экспозиции дома-музея в Тригорском была помещена лубочная картинка «Талисман» с изображением двух восточных красавиц, извлеченная из «Альбома северных муз. Альманаха на 1828 год», под которой фигурировали пушкинские строки «Там, где море вечно плещет...».

Что заставило С. С. Гейченко пойти на столь нелогичный шаг? Ведь само стихотворение «Талисман» было написано в 1827 г. в связи с приездом в Петербург Е. К. Воронцовой. И не имело отношения ни к Тригорскому, ни к михайловской ссылке поэта.

И все же мы теперь понимаем, что имело. Потому что акцентировало внимание на том Востоке, который оказался в Михайловском для Пушкина спасительным — как воспоминание и одновременно как поэтическая задача, выполнение которой связывается отныне с Тригорским домом и его хозяйкой П. А. Осиповой-Вульф.

Список литературы

Источники

А. Востоков, В. Кюхельбекер, Е. Розен, Ф. Тютчев, Н. Огарев, Н. Чернышевский, А. Толстой. Неизданные переводы из Гете // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1932. Т. 4/6. С. 651–680.

Анненков П. В. Любопытная тяжба // Вестник Европы. 1881. № 1. С. 16–43.

Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Л. В. Дерюгиной. М.: Искусство, 1984. 463 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия права: пер. с нем. / авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки славянских культур, 2011. Т. 4: Стихотворные повести и сказки / сост. и ред. А. С. Янушкевич. 636 с.

Керн А. П. Воспоминания; Дневники; Переписка / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Гордина. М.: Худож. лит., 1974. 367 с.

Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. 789 с.

Модзалевский Б. Л. Поездка в с. Тригорское в 1902 г. // Пушкин и его современники. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. Вып. 1. С. 19–52.

Потанин Г. Н. Восточные основы русского былинного эпоса // Вестник Европы. 1896. Т. 2. № 3. С. 311–340.

Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.: Географическое отделение Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1899. 893 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: АН СССР, 1937–1959.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Наука, 2019. Т. 3. Кн. 1: Михайловское. 1824–1826. 1119 с.

Пушкин и его современники: Материалы и исследования / комис. для изд. соч. Пушкина при Отд.-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб., 1908. Вып. 6. 211 с.

Стасов В. В. Коньки на крестьянских крышах // Известия Императорского Археологического Общества. СПб., 1861. Т. 3. Вып. 4. С. 257–271.

Стасов В. В. Владимирский клад // Известия Императорского Археологического Общества. СПб., 1866. Т. 6. С. 124–151.

Стасов В. В. Происхождение русских былин // Вестник Европы. 1868. № 1–4, 6–7. С. 225–276, 651–698.

Стасов В. В. Русский народный орнамент. СПб.: Тип. Т-ва Общественная польза, 1872. 82 с.

- Стасов В. В. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894–1906.
- Тартаковский П. И. Русская поэзия и Восток: 1800–1950: Опыт библиографии. М.: Наука, 1975. 180 с.
- Томашевский В. Б. Пушкин (1813–1824). М.; Л.: Изд. Академии наук, 1956. Кн. 1. 745 с.
- Феоктистов Е. М. Глава из воспоминаний // Атеней. Историко-литературный временник. Л.: [Б. и.], 1926. Кн. III. С. 86–114.
- Chambers W. Ueber die Orientalische Gartenkunst. Eine Abhandlung aus dem Englischen. Gotha, 1775.
- Reil R. Leopold Friedrich Franz, Herzog und Fürst von AnhaltDessau, ältestregierende Fürst in Anhalt, nach seinem Werken und Wesen. Dessau, 1845. 340 S.

Исследования

- Атаханов Д. Т. Восточные мотивы в творчестве А. С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2000. 164 с.
- Аринштейн А. М. Пушкин: Непричесанная биография. М.: ИД «Муравей», 1998. 197 с.
- Бенфей Т. Предисловие <к первому тому издания «Панчатантры» (пер. Е. Дмитриевой) // Литературная компаративистика. Антология. М.: РГГУ, 2021. Т. 1: Становление метода / под ред. И. О. Шайтанова. С. 243–250.
- Бодрова А. С. Подражания Корану // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб.: Нестор-История, 2020. Вып. 4: П–Р. С. 190–201.
- Брагинский И. С. Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина // Проблемы востоковедения. М.: Наука, 1974. С. 312–332.
- Врангель Н. Н. Старые усадьбы. Очерки истории русской дворянской культуры. СПб.: Нева, Летний сад, 1999. 317 с.
- Громбах С. М. «Цветы последние милей» // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1989. Вып. 23. С. 103–105.
- Гулянян С. А. К вопросу об источниках «Гавриилиады» // Пушкин и литература народов СССР. Ереван: Ереванский ун-т, 1975. С. 383–401.
- Дмитриева Е. Е. «Высокое искусство вуалировать», или о некоторых проявлениях рокайльной эстетики в поэзии Пушкина // Московский Пушкинист. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. Вып. VIII. С. 181–191.
- Дмитриева Е. Е. Теория заимствований Владимира Стасова и проблема русского искусства // Сравнительно о сравнительном литературоведении: транснациональная история компаративизма / под ред. Е. Дмитриевой и М. Эспаня. М.: ИМЛИ, 2014. С. 176–194.
- Дмитриева Е. Е. Пушкинское Тригорское как источник мифотворчества: вымысел versus прагматика // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 211–232. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-211-232>
- Дмитриева Е., Купцова О. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. 524 с.

Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин: из истории романтической поэмы. Л.: Academia, 1924. 332 с.

Козмин Б. Из рода Ганнибалов. М.: Современный писатель, 1997. 328 с.

Лобикова Н. М. Пушкин и Восток. М.: Наука, 1974. 96 с.

Мальцева Т. Ю. Пушкин — читатель тригорской библиотеки // Пушкинский сборник. Псков: Псковский гос. ун-т, 1962. С. 33–43.

Нольман М. Л. Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа // Народы Азии и Африки. 1967. № 4. С. 116–126.

Пичхадзе А. А. «Подражания Корану. 1»: Источники и ассоциации // Русская речь. 1992. № 1. С. 15–18.

Проскурин О. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 465 с.

Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827 / под общ. ред. В. Э. Вацуро и С. А. Фомичева. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 2001. 527 с.

Пыляев М. И. Замечательные чудачи и оригиналы. М.: Эксмо, 2008. 637 с.

Савелли Д. Орнамент 1870-х годов. В поисках самобытного русского искусства (Виктор Бутовский, Владимир Стасов, и Эжен Виолле-ле-Дюк) // Литературный факт. 2024. № 1. С. 187–216. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-187-216>

Семевский М. И. Прогулка в Тригорское: биографические исследования и заметки о Пушкине / вступ. ст., сост. и примеч. С. В. Березкиной. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. 444 с.

Соколов Б. Небесное садоводство. Образ сада в искусстве русского символизма // Сады Серебряного века. Литература. Живопись. Архитектура / сост. и науч. ред.: Б. М. Соколов. М.: БУКСМАРТ, 2022. С. 9–604.

Фомичев С. А. «Подражания Корану» Генезис, архитектоника и композиция цикла // Временник Пушкинской комиссии, 1978. Л.: Наука, 1981. С. 22–45.

Baridon M. Les jardins. Paysagistes — Jardiniers — Poètes. Paris: Robert Laffont, 1998. 1239 p.

Dmitrieva E. La gentilhommière russe // Les sites de la mémoire russe / sous la direction de Georges Nivat. Paris: Fayard, 2007. T. 1: Géographie de la mémoire russe. P. 353–380.

Marin L. L'effet Sharawadgi ou le jardin de Julie: notes sur un jardin et un texte // Critique. Jardins et paysages. Revue générale des publications françaises et étrangères. 1998. Juin–Juillet. P. 114–116.

Olkhovsky Yu. Vladimir Stasov and Russian National Culture. Michigan: Ann Arbor, 1983. 195 p.

Trautmann-Waller C. Ecrire l'histoire de l'université de Tartu. Entre revendication d'appartenance et transnationalité // Villes baltiques. Une mémoire partagée: Revue germanique internationale. Paris: CNRS Editions, 2010. P. 175–189.

References

Atakhanov, D. T. *Vostochnye motivy v tvorchestve A. S. Pushkina* [Eastern Motifs in the Works of A. S. Pushkin: PhD Dissertation]. Dushanbe, 2000. 164 p. (In Russ.)

Arinshtein, A. M. *Pushkin: Neprichesannaia biografiia* [Pushkin: Unkempt Biography]. Moscow, Muravei Publ., 1998. 197 p. (In Russ.)

Benfei, T. “Predislovie <k pervomu tomu izdaniia ‘Panchatantry’ (perevod E. Dmitrievoi)” [“Preface <to the First Volume of the Publication of ‘Panchatantra’ (Translated by E. Dmitrieva)”. *Literaturnaia komparativistika. Antologiiia* [Literary Comparative Studies. Anthology], vol. 1: Stanovlenie metoda [Formation of the Method], ed. by I. O. Shaitanov. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2021, pp. 243–250. (In Russ.)

Bodrova, A. S. “Podrazhaniia Koranu” [“Imitations of the Koran”]. *Pushkinskaia entsiklopediia: Proizvedeniia* [Pushkin Encyclopedia: Works], issue 4: P–R [P–R]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2020, pp. 190–201. (In Russ.)

Braginskii, I. S. “Zametki o zapadno-vostochnom sinteze v lirike Pushkina” [“Notes on the West-Eastern Synthesis in Pushkin’s Lyrics”]. *Problemy vostokovedeniia* [Problems of Oriental Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 312–332. (In Russ.)

Vrangel’, N. N. *Starye usad’by. Ocherki istorii russkoi dvorianskoi kul’tury* [Old Estates. Essays on the History of Russian Noble Culture]. St. Petersburg, Neva, Letnii sad Publ., 1999. 317 p. (In Russ.)

Grombakh, S. M. “Tsvety poslednie milei” [“The Last Flowers Are Sweeter”]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Vremyanik of the Pushkin Commission], issue 23. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 103–105. (In Russ.)

Gulanian, S. A. “K voprosu ob istochnikakh ‘Gavriliadi.’” [“On the Sources of the ‘Gabriliad.’”] *Pushkin i literatura narodov SSSR* [Pushkin and the Literature of the Peoples of the USSR]. Yerevan, Yerevan University Publ., 1975, pp. 383–401. (In Russ.)

Dmitrieva, E. E. “‘Vysokoe iskusstvo vualirovat,’ ili o nekotorykh proiavleniiaakh rokail’noi estetiki v poezii Pushkina” [“‘The High Art of Veiling,’ or About Some Manifestations of Rococo Aesthetics in Pushkin’s Poetry”]. *Moskovskii Pushkinist* [Moscow Pushkinist], issue 8. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2001, pp. 181–191. (In Russ.)

Dmitrieva, E. E. “Teoriia zaimstvovaniia Vladimira Stasova i problema russkogo iskusstva” [“Vladimir Stasov’s Theory of Borrowings and the Problem of Russian Art”]. Dmitrieva, E., and M. Espania, editors. *Sravnitel’no o sravnitel’nom literaturovedenii: transnatsional’naia istoriia komparativizma* [Comparatively on Comparative Literary Criticism: Transnational History of Comparativism]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 176–194. (In Russ.)

Dmitrieva, E. E. “Pushkinskoe Trigorskoe kak istochnik mifotvorchestva: vymysel versus pragmatika” [“Pushkin’s Trigorskoye as a Source of Myth-Making: Fiction Versus Pragmatism”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (25), 2022, pp. 211–232. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-211-232> (In Russ.)

Dmitrieva, E., and O. Kuptsova. *Zhizn’ usadebnogo mifa: utrachennyy i obretennyyi rai* [The Life of an Estate Myth: Paradise Lost and Found]. Moscow, OGI Publ., 2008. 524 p. (In Russ.)

Zhirmunskii, V. M. *Bairon i Pushkin: iz istorii romanticheskoi poemy* [Byron and Pushkin: From the History of a Romantic Poem]. Leningrad, Academia Publ., 1924. 332 p. (In Russ.)

Kozmin, B. *Iz roda Gannibalov* [From the Hannibal Family]. Moscow, Sovremenniy pisatel' Publ., 1997. 328 p. (In Russ.)

Lobikova, N. M. *Pushkin i Vostok* [Pushkin and the East]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 96 p. (In Russ.)

Mal'tseva, T. Iu. "Pushkin — chitatel' trigorskoi biblioteki" ["Pushkin as a Reader of the Trigorsk Library"]. *Pushkinskii sbornik* [Pushkin Collection]. Pskov, Pskov State University Publ., 1962, pp. 33–43. (In Russ.)

Nol'man, M. L. "Zapadno-vostochnyi sintez v proizvedeniakh Pushkina i ego realisticheskaya osnova" ["West-Eastern Synthesis in Pushkin's Works and Its Realistic Basis"]. *Narody Azii i Afriki*, no. 4, 1967, pp. 116–126. (In Russ.)

Pichkhadze, A. A. "'Podrazhaniia Koranu. 1': Istochniki i assotsiatsii" ["Imitations of the Koran. 1': Sources and associations"]. *Russkaia rech'*, no. 1, 1992, pp. 15–18. (In Russ.)

Proskurin, O. *Poeziia Pushkina, ili Podvizhnyi palimpsest* [Pushkin's Poetry, or the Movable Palimpsest]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999. 465 p. (In Russ.)

Vatsuro, V. E., and S. A. Fomichev, editors. *Pushkin v prizhiznennoi kritike. 1820–1827* [Pushkin in Lifetime Criticism. 1820–1827]. St. Petersburg, State Pushkin Theater Center Publ., 2001. 527 p. (In Russ.)

Pyliaev, M. I. *Zamechatel'nye chudaki i originaly* [Remarkable Eccentrics and Originals]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 637 p. (In Russ.)

Savelli, D. "Ornament 1870-kh godov. V poiskakh samobytnogo russkogo iskusstva (Viktor Butovskii, Vladimir Stasov, i Ezhnen Violle-le-Diuk)" ["Ornament of the 1870s. In Search of Original Russian Art (Viktor Butovsky, Vladimir Stasov, and Eugene Viollet-le-Duc)"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1, 2024, pp. 187–216. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-187-216> (In Russ.)

Semevskii, M. I. *Progulka v Trigorskoe: biograficheskie issledovaniia i zametki o Pushkine* [A Walk in Trigorskoye: Biographical Research and Notes on Pushkin], introd. article, comp. and notes by S. V. Berezkin. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2008. 444 p. (In Russ.)

Sokolov, B. "Nebesnoe sadovodstvo. Obraz sada v iskusstve russkogo simvolizma" ["Heavenly Gardening. The Image of the Garden in the Art of Russian Symbolism"]. *Sady Serebriannogo veka. Literatura. Zhivopis'. Arkhitektura* [Gardens of the Silver Age. Literature. Painting. Architecture], comp. and scientific ed. by B. M. Sokolov. Moscow, BUKSMART Publ., 2022, pp. 9–604. (In Russ.)

Fomichev, S. A. "'Podrazhaniia Koranu'. Genezis, arkhitektonika i kompozitsiia tsikla" ["Imitations of the Quran. Genesis, Architectonics and Composition of the Cycle"]. *Vremennik Pushkinskoi komissii*, 1978 [Almanac of the Pushkin Commission, 1978]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 22–45. (In Russ.)

Baridon, Michel. *Les jardins. Paysagistes — Jardiniers — Poètes*. Paris, Robert Laffont, 1998. 1239 p. (In French)

Dmitrieva, Ekaterine. “La gentilhommière russe.” Nivat, Georges, sous la direction de. *Les sites de la mémoire russe*, t. 1: Géographie de la mémoire russe. Paris, Fayard, 2007, pp. 353–380. (In French)

Marin, Louis. “L’effet Sharawadgi ou le jardin de Julie: notes sur un jardin et un texte.” *Critique. Jardins et paysages. Revue générale des publications françaises et étrangères*, Juin–Juillet, 1998, pp. 114–116. (In French)

Olkhovsky, Yuri. Vladimir Stasov and Russian National Culture. Michigan: Ann Arbor, 1983. 195 p. (In English)

Trautmann-Waller, Céline. “Ecrire l’histoire de l’université de Tartu. Entre revendication d’appartenance et transnationalité.” *Villes baltiques. Une mémoire partagée: Revue germanique internationale*. Paris, CNRS Editions, 2010, pp. 175–189. (In French)